

Панкратов А.Г.
Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи

**Исследования и атрибуция археологических памятников.
Технологические аспекты и временной период бытования комплекса
защитного снаряжения из захоронения кочевника возле с. Бурты**

Захоронение кочевника из с.Бурты или «Набор вооружения конного воина-лучника XII-XIII в.в.» (Инв. № 100Ф 106/114 ВИМАИВиВС), является памятником общемирового значения. Реставрация предметов комплекса, их консервация, сохранение, и наконец, возвращение комплекса в постоянную экспозицию ВИМАИВиВС - важнейшие мероприятия из области сохранения культурного наследия и археологических памятников. Уникальность данного захоронения обусловлена полным комплектом наступательного и защитного вооружения, который использовался в позднем средневековье воинскими контингентами южнорусских степей.

В настоящий момент для возвращения предметов из захоронения в экспозицию обозначен ряд мероприятий:

1. Учет и сохранение предметов, входящих в комплекс.
2. Современная атрибуция наступательного и защитного вооружения, а так же снаряжения всадника и коня.
3. Реставрация и консервация комплекса.

Комплекс был открыт Н.Е.Бранденбургом в 1891 г. в курганной насыпи № 106 (261) возле с. Бурты, на берегу пересохшей р. Сухой Саглык бывшего Каневского уезда Киевской губернии, и первоначально, был связан исследователем с печенегамиⁱ. Таким образом, снаряжение из данного захоронения было отнесено к периоду X-XI века, что соответственно было

отражено в научно-инвентарной карточке, сопровождающей экспозицию долгие годы.

Много позже, в работе 1959 г. А.Н.Кирпичников по-другому атрибутировал комплекс, связав его с тюркоязычными кочевниками – «черными клобуками», чье снаряжение в свою очередь находил единообразным с древнерусской оружейной паноплией. Комплекс снаряжения был наименован им как принадлежности «конного лучника».

Датировку Н.Е.Бранденбурга А.Н.Кирпичников не поддержал, выдвинув ряд положений, относящих захоронение к периоду XII-XIII вв.ⁱⁱ

В 2008 г. К.А.Жуков в своей статье отнес захоронение к середине – второй половине XIII в.ⁱⁱⁱ

В статье Т. М. Потемкиной и Ю. А. Кулешова 2010 г. , посвященной обряду захоронения с оружием средневековых номадов, временные рамки существования комплекса из с. Бурты вновь подверглись уточнению. По мнению авторов, комплекс относится к XIV в.^{iv}

Таким образом, материал данного захоронения однозначно требует современного исследования: более подробной атрибуции вещей и уточнения датировки комплекса.

В настоящее время в состав комплекса, входят следующие предметы разной степени сохранности:

- шлем, с отделенным навершием и частями кольчужной бармицы;
- части кольчуги с присоединившимися остатками ткани в некоторых местах;
- сабля с фрагментами деревянных ножен и обоймиц;
- наконечник копья;
- железные гвозди-костыли, соединявшие бревна гроба;
- железное стремя;
- кольчатые удила;
- пряжка от ремня;

- наконечник стрелы-срезня, располагавшийся в экспозиции на груди захороненного воина;

- калачевидное кресало;

-два предмета, изготовленных из кости, которые вероятно относятся к принадлежностям лука и его системе подвеса к поясу.

1. Шлем.

Шлем был найден поставленным у головы захороненного воина, на корпусе зафиксированы остатки кольчужной защиты шеи.

Шлем относится к высоким «сферо-коническим», тип II Б, по классификации А.Н.Кирпичникова^v. При виде сверху, шлем, представляет из себя овал, расстояние от лицевой части до затылочной части шлема 24,4 см, поперечный размер - 17 см^{vi}, высота шлема 20 см. Снабжен окологлазными вырезами и, по всей видимости, дополнялся бармицей распашного типа. Вырезы были полукаплевидной формы, их высота составляла не более 10 мм, ширина – 30 мм. Аутентичность размеров шлема и его форма, вызывает ряд вопросов. Безусловно, наголовье могло быть сплющено массами земли или возможно повреждено перед помещением в могилу. Предположение подтверждает состояние шлема – лицевая часть имеет две значительные трещины, образующие расколотую область, вследствие этого часть, относящаяся к лицевой, утратила симметричные плавные очертания, при взгляде сверху, она слегка развернута. На высоте 11см от края шлема, при осмотре шлема с левой стороны располагается «линия перегиба» – область, сформированная при изготовлении шлема. Данный излом на корпусе шлема является следствием технологической операции, связанной с приданием конической заготовке сферо-конической формы. На графической реконструкции, представленной А.Н.Кирпичниковым^{vii}, тулья шлема несколько расширяются книзу, и имеет практически прямые, проработанные стенки. Вместе с тем при осмотре артефакта, заметно, что стенки шлема имеют слабое радиусное закругление, что обусловлено способом их конечной доработки, после формирования

«линии перегиба» – чеканкой изнутри. В данном случае стоит обратиться к образцу шлема, найденного, предположительно, на территории Украины, хранящегося в отделе «Арсенал» Государственного Эрмитажа^{viii} (инвентарный номер 30-6496). При взгляде в фас стенки шлема из Государственного Эрмитажа практически прямые и имеют незначительное расширение книзу. Таким образом, на примере геометрии корпуса шлема из с. Бурты мы наблюдаем типовую конструкцию шлема с выразительно проработанными, практически прямыми стенками при наблюдении в фас. При осмотре «в профиль» видно значительное расширение стенок шлема книзу, что находит аналогию в наголовьях из Государственного Эрмитажа и шлема из местечка Таганча^{ix}. Данная конфигурация корпуса шлема традиционна, и небезосновательно, данный шлем образует, один тип с вышеуказанными наголовьями. На время осмотра наголовье из с. Бурты необходимо отметить значительные повреждения артефакта – с правой стороны от него отколот большой фрагмент. Монолит бармицы, присоединившийся со временем к корпусу шлема, сохранился лишь частично. Небольшой фрагмент, длиной 15 см, присутствует на правой стороне. В левой части наголовья, на время осмотра, зафиксирована трещина значительной длины. Она берет начало в левом вырезе для глаз и проходит через весь купол шлема.

Учитывая минерализацию и различные наслоения можно высказаться о толщине стенок шлема. Например, в месте отколовшейся части с правой стороны корпуса шлема в настоящее время толщина составляет 2.2 мм. В отверстии наверху, образовавшееся после отлома наверхия, толщина стенок (в самом тонком месте) с окислами и наслоениями более 3 мм, что обусловлено накладным наверхием.

В затылочной части шлема фиксируются три выпячивания, расположенные достаточно симметрично. Представляется вероятным связать их с шляпками заклепок, удерживающими какую-то изнутри встроенную систему шлема, например амортизирующий подвес. Изнутри два из них

имеют хорошо различимые круглые шайбы, диаметром около 10 мм. Наличие на шлеме назальной пластины, предложенной в реконструкции 1959 г.^x в дальнейшем утраченной, сомнительно. Следует сразу исключить версию накладного наносника, аналогичного установленному на шлеме из Таганчи^{xi}. Следы от установки подобного приспособления были бы слишком заметны – это отверстия и заклепки в месте его соединения с корпусом шлема. Таким образом, следует обратиться к образцу сферо-конического шлема из Государственного Эрмитажа, упомянутого выше. Не смотря на то, что шлем из Государственного Эрмитажа, снабжен защитной лицевой пластиной, выполненной «зацело»^{xii} доказать наличие данной принадлежности на шлеме из с. Бурты невозможно, как в сущности и аргументировано полностью опровергнуть ее наличие. В шлеме из Государственного Эрмитажа область соединения наносника с куполом шлема имеет значительное утолщение (до 3мм), что можно однозначно объяснить, как присоединение данного элемента при помощи кузнечной сварки.^{xiii} Значительная толщина минерализовавшегося края редуцированного наносника шлема из Буртов не позволяет сделать какие-либо достоверные выводы. Однако прямой срез нижнего края шлема между окологлазными вырезами позволяет нам присоединиться к версии о первоначальном отсутствии наносья.

Вследствие общего состояния предмета невозможно достоверно высказаться о конструкции наголовья, но можно предположить, что она была одношовной. В куполе шлема с левой стороны фиксируется четкое длинное углубление. При осмотре шлема изнутри примерно на этом месте обнаружено расслоение металла. Это наблюдение позволяет предположить, что наголовье было свернуто из листа металла, имевшего первоначальную форму сектора круга, далее выкованную в сфероконическую фигуру, соединенную клепкой «впотай» или пайкой, с единственным швом, располагающимся на указанной стороне. Так же нельзя совершенно исключать двучастную клепанную конструкцию шлема, подобно шлему из

Государственного Эрмитажа^{xiv}. Для строго обоснованной реконструкции шлема необходимо рентгенологическое исследование, первый этап которого был уже осуществлен.

Навершие шлема.

Следуя прориси из архива Н.Е.Бранденбурга, первоначально, шлем был открыт с навершием, соединенным с корпусом шлема (Рис.3). Верхняя часть шлема была отломана, вероятно, много позже стадии извлечения боевого наголовья из захоронения. Среди известных данных, на время осмотра А.Н.Кирпичниковым, шлем представлен уже без навершия^{xv}. Оно представляет собою небольшой полый железный конус, свернутый из тонкого листа железа, в нижней части имеющий слегка вогнутую форму. Подобная конструкция первоначально известна по серии традиционных евразийских шлемов, где оно еще изготовлено несколько другим способом^{xvi}. Обращаясь к репрезентативному ряду боевых наголовий, можно проследить, на многочисленных примерах, что устанавливались похожие навершия и в более позднее время. Высота конуса навершия, до самого длинного края слома – 86 мм. Основание имеет так же овальную форму, имеющую размеры образующих осей 50 и 45 мм, диаметр трубочки навершия в верхней части – 11,5 мм. Верхнее отверстие закрыто. В данном отверстии могло монтироваться султаноподобное украшение, или изнутри завязывались кожаные ленточки – традиционное украшение евразийского шлема, известное с II в. н.э.^{xvii}. На конус, на расстоянии 17 мм от верхней части, вероятно, напаяна, металлическая пластинка, обнимающая навершие, предназначенная для удобства снятия-надевания боевого наголовья, образующая замкнутый «поясок». Диаметр навершия в области «пояска» - 24 мм. Ширина пояска – 14 мм. В нижней части поясок имеет рельефный валикообразный выступ диаметром около 1,5мм. Толщина пластинки пояска 2 мм. Подобные «пояски» встречаются на ряде находок боевых наголовий и отдельных наверший в кочевнических захоронениях и на древнерусских территориях. Так, например, полоса снабженная насечками («рубашкой»)

присутствует на шлеме из Городца^{xviii}, полосками необходимыми для удержания снабжены шлемы из Мстиславля^{xix}. Упоминаемый уже шлем из кочевнического захоронения Хавалы-4^{xx} так же имеет на навершии подобное приспособление. Подобный поясок значительной толщины присутствует на отдельно найденном навершии шлема из Княжей Горы. Так же необходимо отметить цилиндрический элемент на верхушке шлема, предположительно найденного на территории Украины.^{xxi} Иные вариации данной боевой принадлежности достигают конфигурации, имеющей в стародавней оружейной терминологии название «яблочко»^{xxii}. Так, например, «яблочко» сглаженной биконической формы присутствует на известном наголовье из Таганчи, располагаясь в основании длинного стержня, венчающего конструкцию навершия.^{xxiii} Нижний край навершия шлема из с. Бурты обломан. Обычно подобное навершие снабжалось набором вырезов, образующих минимальный декор -«лапками» для приклепывания к корпусу шлема заклепками или украшалось волнообразными декоративными вырезами. На артефакте из с. Бурты пока не обнаружены подобные элементы. Достоверно не выявлено их следов и на корпусе шлема. Скорее всего, они присутствовали, а невозможность их обнаружить визуально, связана с уровнем сохранности предмета. На одной из сторон шлема сохранилась заклепка, вполне приспособленная для удержания подобного накладного навершия, если данный элемент – не вспучивание окисла. Предполагаемая заклепка находится на краю подвершия шлема, располагаясь от верхнего края шлема на расстоянии 1 см.

Бармица.

Бармица, по всей видимости, распаивалась спереди, возможно застегивалась под подбородком. Комки окисленного кольчужного полотна, завернутого внутрь наголовья, так же говорят, что, скорее всего, бармица была распашной. Можно не сомневаться, что система, обеспечивавшая удержание кольчатой защиты на корпусе шлема, представляла собой ряд цилиндрических втулок, через которые протягивался несущий железный

прут. Обычно на хорошо сохранившихся шлемах количество втулок от 5 до 9 шт. Низ шлема из с.Бурты, по всей видимости, был обернут кожаной полосой, завернутой внутрь шлема через край, выходящей наружу под прут, удерживающий бармицу. Очевидно, данная полоса крепилась через отверстия, сквозь которые были выпущены упомянутые втулки, и предназначалась для сохранности полотна бармицы, предохраняя поверхность шлема от повреждения подвижными кольчужными кольцами. Эта полоса органического происхождения достаточно хорошо различима снаружи и внутри шлема. Внутренняя поверхность шлема так же несет следы присутствия органики^{xxiv}. Возможно, мы имеем дело с остатками подшлемного головного убора или упомянутого выше подвеса.

Для исследования были доступны выпавшие из монолита единичные кольца бармицы. Они выполнены из круглой проволоки, диаметром 1,5-2 мм. Диаметр самого кольца составляет примерно 13 мм.

На территории древнерусских княжеств, наблюдается процесс изменения конструкции боевых наголовий. В XIII в. идет вытеснение четырехчастных конструкций и смена их на трехчастные.^{xxv} Шлем из с. Бурты явно не относится ни к четырехчастным, ни к трехчастным защитным системам, поэтому следует абсолютно исключить датирование данного наголовья XIIв. Наличие таких элементов, как навершие с «пояском», выполненного иным способом, чем на раннесредневековых евразийских наголовьях, редуцированный наносник, значительный продольный размер шлема и двухчастевая или одношовная конструкция говорят, о принадлежности шлема к периоду не ранее конца XIII, начала XIV в.в. В современной литературе уже был предложен временной отрезок на протяжении которого использовались боевые наголовья данной группы: 40-е годы - конец XIV в.^{xxvi}. Технологический анализ отдельных элементов показывает, что вторая половина XIV в. – наиболее вероятное время бытования подобного шлема.

Нательная броня.

Защита корпуса представлена в захоронении кольчугой. Кольчуга, судя по собранным сохранившимся фрагментам имела вид коротко рукавной рубашки. В экспозиции, смонтированной в 60-е годы прошлого века части кольчуги пришиты к матерчатой обтяжке проволочного каркаса, имитирующей тело захороненного воина, тонкой проволокой. Длина брони была не менее 60 см. Доспех имел воротник высотой около 7 см. Рукава, очевидно, достигали длины локтя. Обхват в поясе, судя по параметрам экспонируемого каркаса составлял около 100 см. Кольчужное полотно можно соотнести с т.н. «байданой», оно составлено из крупных плоских колец, соединенных четыре в одно. Основные кольца брони имеют диаметр 16-17 мм, толщину 1.5-2 мм. Толщина 1.5-2 мм, безусловно, результат воздействия окисла. Мною были изучены кольца, наиболее хорошо сохранившиеся в самом низу монолита, вероятно образованного остатками одежды. Наименее минерализированными оказались кольца «байданы» от «спинной» части доспеха, обращенной к земле. Удивительно, но время некоторых колец практически не коснулось, сохранив предметы в первозданном виде. Толщина такого одного кольца едва ли достигает 1 мм, внешний диаметр 17 мм., тогда как состояние колец в минерализованном состоянии иногда достигает толщины 2.2 мм. Рукава брони выполнены из колец несколько меньшего размера, их внешний диаметр составляет 14мм, толщина под воздействием времени - около 2мм. По уже устоявшемуся мнению в отечественной историографии небольшие плоские «панцирные» кольца известны в арсенале Руси, и как можно предположить, всего евразийского пространства около 1200 г. В более позднее время популярность подобного кольчатого доспеха возрастает^{xxvii}.

Следы ткани на фрагментах кольчуги могут свидетельствовать о том, что перед нами части своеобразного доспеха – кольчуги, вшитой в кафтан, снабженный амортизирующей прокладкой из шерсти или хлопка, т.н. «казакин»^{xxviii}. Некоторое количество мелких фрагментов ткани были собраны на груди погребенного.^{xxix} Стоит обратить внимание на

значительный диаметр колец, а так же технику их производства, явно связанную с рубкой листа специальными высечками.

Таким образом, комплекс вооружения кочевника из с. Бурты представляет значительный интерес для изучения особенностей евразийского вооружения и обладает значительным потенциалом для дальнейших исследований. Использовать данный комплекс вооружения, на наш взгляд, мог на протяжении всего XIV в., однако особенности защитного снаряжения позволяют сместить датировку к середине-второй половине XIV в. В заключении можно отметить, что наименование «конный лучник» является не совсем верным. Воин, снабженный всеми видами статусного наступательного вооружения – копьем, дорогостоящей саблей, а уже во вторую очередь луком и его принадлежностями, защищенный полным доспехом: кольчугой и шлемом является скорее тяжеловооруженным копейщиком, представителем военной элиты золотоордынского государства, захороненным на территории Южной Киевщины.

Ил. Вид сбоку остатка бармицы

Ил. Кольца нательного доспеха фотография фрагмента

Ил. Комплекс Бурты

ⁱ Н.Е.Бранденбург. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей. Труды Рижского археологического съезда. 1902 г. С.9.

ⁱⁱ Кирпичников А.Н. Погребение воина XII-XIII вв. из Южной Киевщины. Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического Музея. Выпуск IV. Л., 1959.С.222.

ⁱⁱⁱ Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. // Воин. №18. 2009. С. 22.

^{iv} З.Потемкина Т. М., Кулешов Ю. А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты.// Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Золотоордынское время. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2010. С.274.

^v Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Вып.3.— Л.: Наука, 1971. С.24.

^{vi} В описи экспоната основного фонда ВИМАИВСиВС № 106 инвентарный номер № 114«Набор вооружения конного воина-лучника XII-XIII вв.» в 1967 г. Л.К.Маковской указаны несколько иные размеры. «Длинна» корпуса- 20 см, «ширина» - 25x20 см. Вероятно, она определила «ширину» шлема опираясь на остатки бармицы, располагавшейся на внешнем пруте-держателе. Эти же размеры приводит А.Н.Кирпичников.

^{vii} Кирпичников А.Н. Погребение воина XII-XIII вв. из Южной Киевщины. Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического Музея. Выпуск IV. Л.: 1959.С.220.Рис.1,1.

^{viii} Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Вып.3.— Л.: Наука, 1971. С.115.Таблица XIII, Рис.1.

^{ix} Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K. Kurhan z Tahanczy // Archeologia polski. 2002. Т.47. Р. 289-292, гус.1-3.

^x Кирпичников А.Н. Погребение воина XII-XIII вв. из Южной Киевщины. //Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического Музея. Выпуск IV. Л., 1959.С.220. Рис.1,1.

^{xi} Необходимо отметить, что накладная фигурная пластина наносника на шлеме из Таганчи установлена поверх еще одного наносника, присоединенного кузнечной сваркой.

^{xii} Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. // Воин. №18. 2009. С. 21.

^{xiii} Там же, С. 22.

^{xiv} Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья. // Воин. №18. 2009. С. 21

^{xv} Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Вып.3.— Л.: Наука, 1971. С.115. Таблица XIII. , Рис.2.

^{xvi} А.Н. Кирпичников. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб.: Вести, 2009. С.64.Рис.47.

^{xvii} Р. Робинсон. Доспехи народов Востока. М.: Центрполиграф, 2006. С. 29.

^{xviii} Жуков К. А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII-XV вв.//Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV вв. Тула. 2005. С. 233, рис.7.1.

^{xix} Бохан Ю. Н. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 129, Рис.1.1, Рис.1.2.; С.130, Рис.3.

^{xx} Прокофьев Р.В., Трубников В.В., Позднекочевническое погребение у Ростова-на-Дону // Военная археология: сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008.С.141. Рис.2.

^{xxi} Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Вып.3.— Л.: Наука, 1971. С.115.Таблица XIII, 1.

^{xxii} П. Фон-Винклер, Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению оружия с древнейших времен до начала XIX века. — М.: Софт-Мастер, 1992. С.277.

^{xxiii} Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K. Kurhan z Tahanczy // Archeologia polski. 2002. T.47. P. 287-340.

^{xxiv} Предположение высказано после визуального осмотра шлема. Специальные исследования не проводились.

^{xxv} А. Г. Панкратов Шлем в отечественном комплексе вооружения // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Материалы Международной военно-исторической конференции / Сб. научных статей. — СПб.: СПбГУПТД, 2016. С. 74.

^{xxvi} Потемкина Т. М., Кулешов Ю. А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты.// Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Золотоордынское время. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2010. С.274.

^{xxvii} Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. Вып.3.— Л.: Наука, 1971. С.14.

^{xxviii} Потемкина Т. М., Кулешов Ю. А. Погребения восточноевропейских средневековых номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты.// Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Золотоордынское время. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2010. С.274.

^{xxix} Более подробно о составе тканей в статье В.И.Кобяковой и Н.Н.Сапрыкиной. Исследование материалов предметов из набора вооружения конного воина-лучника XII-XIII вв. из собрания Военно-Исторического Музея Артиллерии, Инженерных Войск и Войск Связи. // Материалы секции «Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории» Седьмой международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», 17-19 мая 2017 года. Вып. 13. Консервация, реставрация и экспонирование памятников военной истории. СПб., ВИМАИВСиВС 2018.С.185-200.